

- [43] Шаши Шекхар, Санжей Чаула. Основы пространственных баз данных / Пер. с англ. М.: Кудиц-образ, 2004. 336 с.
- [44] Aston M. Interpreting the landscape. London and New York: Taylor & Francis, 2010. 169 p.
- [45] Rippon S. Beyond the medieval village. Oxford—New York: Oxford University Press, 2008. 323 p.
- [46] Roberts B. K. Landscapes of Settlement : Prehistory to the Present. London and New York: Taylor & Francis, 1996. 181 p.
- [47] Whyte I. D. Landscape and History since 1500. London: Reaktion books, 2002. 256 p.

Москва
kolbowsky@mail.ru
МГУ им. М. В. Ломоносова

Поступило в редакцию
25 июня 2013 г.

Изв. РГО. 2013. Т. 145. Вып. 5

© Ю. Г. ТЮТЮННИК

ПРОЛИФЕРАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ЛАНДШАФТ»: ПОЧЕМУ ОНА ПРОИСХОДИТ И КАК ОТНОСИТЬСЯ К НЕЙ ГЕОГРАФАМ?

Под пролиферацией¹ понятия «ландшафт» мы понимаем выход слова «ландшафт» и соответствующих ему смыслов за пределы областей традиционного использования — за пределы географической науки и искусства живописи, архитектуры, а также художественной литературы, и его употребление в философии, областях науки и практической деятельности, далеких как от географии (экологии, геологии), так и от искусства. Разумеется, в географии и живописи/архитектуре понятие ландшафта с течением времени претерпевало и претерпевает трансформации, приобретает новые оттенки смысла, используется и раскрывается в новых контекстах. Но это нас интересовало не будет. Мы опустим также трансформации смысла категории «ландшафт» в плане разнообразных когнитивно-пространственных «междисциплинарностей», агрессивно навязываемых сегодня гуманитарной географией. Вопросы «почкования» и трансформации понятия ландшафта в географии, искусстве и близких к ним пространственных контекстах иных областей знания достаточно детально исследованы (например, в [7]) и уже хорошо известны географам. Нас будут интересовать попытки смыслового присвоения категории «ландшафт» в областях практики, философского и теоретического знания, в эпи-

¹ Пролиферация — понятие из философии науки П. Фейерабенда. Им он обозначает своеобразное «размножение» идей, теорий, концепций и трактовок, которые конкурируют, а иногда и прямо противостоят «главным», «правильным», «общепринятым», «официальным». Философ считает это явление не только неизбежным, но и позитивным — способствующим развитию науки [31, с. 166—178].

стемологии которых понятие ландшафта должно «по идее» находиться на далекой смысловой периферии либо вообще быть им чуждым и сторонним. Это явление в силу своей новизны исследовано хуже. Но к нему у современных географов уже выработалось устойчивее отрицательное отношение [11], которое имеет под собой веские основания. Справедливо указывается на волюнтаристический, символический, метафорический характер использования категории ландшафта. Подчеркивается, что чаще всего ничего общего с классическими ландшафтоведческими и даже «окололандшафтоведческими» дефинициями оно не имеет. Однако за пределами географического цеха на протесты географов мало кто обращает внимание. Явление имеет место, оно продолжается, набирает силу, и вряд ли ландшафтоведам-профессионалам удастся остановить этот процесс. Думаю, необходимо разобраться в объективных причинах этого явления и посмотреть, к каким конструктивным результатам оно может привести. И если конструктив в пролиферации ландшафта будет обнаружен, то нужно подумать над тем, чтобы именно географический «цех» возглавил этот процесс. Его категорическое неприятие вряд ли приведет к каким-либо иным результатам, кроме как к тому, что географам придется со стороны наблюдать за продвижением пролиферации ландшафта и тосковать по старым добрым временам, когда наше цеховое понятие употреблялось «правильно».

Метафорические и исторические смыслы ландшафта. Использование понятия ландшафта в метафорическом смысле сегодня наиболее известно. Такими выражениями, как «экономический ландшафт» [18], «финансовый ландшафт» [14], «политический ландшафт» [1], «инвестиционный ландшафт» [25], «электоральный ландшафт» [20], «когнитивный ландшафт» [27] и т. п., сегодня пестрит научная, околonaучная и массовая «просветительская» негеографическая литература (особенно на сайтах Интернета). Такие «трактовки» ландшафта чаще всего употребляются в экономике и политологии, журналистике и социологии, психологии и литературоведении, а также в бытовом сленге.

Старт метафорическому пониманию ландшафта дал, по-видимому, А. Лёш, который еще в середине XX в. говорил об «экономическом ландшафте». (Впрочем, сам Лёш ссылается на более раннюю, 1928 г., работу Р. Хепке). Несмотря на то что это была экономико-географическая, т. е. отнюдь не чуждая географической науке, интерпретация, в ней уже присутствовала изрядная доля метафоричности. Сам Лёш определяет экономический ландшафт как «систему рыночных сетей» [17, с. 137]. Но вот что интересно: сначала исследователь вводит в свою теорию понятие экономического ландшафта в виде рисунка — без какого бы то ни было объяснения [17, с. 133] и только через четыре страницы дает его более чем лаконичное определение. В этом мало примечательном (но все-таки странном, на первый взгляд) факте, по нашему мнению, впервые проявилось то, что в дальнейшем будет едва ли не наполовину определять и обуславливать все попытки метафорического использования понятия ландшафта в самых разных областях человеческой деятельности: стремление использовать это понятие как *эффективный способ прямой и непосредственной визуализации любого пространственного явления*. Именно внутренняя (имманентная) предрасположенность ландшафта как понятия к такой визуализации во многих случаях делает ландшафт-метафору столь привлекательной для «постороннего» использования.

Употребляя «ландшафт» как метафору, экономические, политические, юридические и прочие его интерпретации в то же время не ставят перед со-

бой задачу целенаправленно использовать понятие ландшафта именно в качестве метафоры. Наоборот, они скрывают это, стараются всячески «объективизировать» сам процесс метафоризации, показать, что их интерпретации отражают-де некие явления объективной реальности, которые без понятия ландшафта объяснить «невозможно». Для вящей «объективности» пытаются даже давать определения. Вот пример: «Патентный ландшафт — результат исследования, содержащий информацию о состоянии исследовательской активности в данном направлении исследовательской деятельности, подготовленный на основе анализа патентных и непатентных источников» [32]. Такие «определения» подталкивают «широкие торгующие массы» к использованию слова «ландшафт» в сочетаниях и контекстах, способных вызвать у географа слезы умиления: «Патентный ландшафт антиретровирусного препарата „Ритонавир”» [24]. Однако даже в подобных крайностях задача метафоризации понятия ландшафта ни в маркетингологии, ни в политологии, ни в юриспруденции *специально* не ставится и очень редко осознается.

Вторая важная область метафорического использования понятия ландшафта сегодня представлена искусствоведением, литературоведением и языкознанием. В них ситуация сложнее. Кроме потуг объективизировать свою узкопрофессиональную интерпретацию понятия «ландшафт», здесь уже встречаются попытки целенаправленно метафоризировать это понятие — «просто так», «для красоты», превращая его тем самым в своеобразную дискурсивную декорацию. Если в таком понятии как «лингвистический ландшафт» [5], еще можно увидеть более или менее рациональное стремление к «ландшафтной объективизации» предмета исследования, то в выражении типа «ландшафт моих воображений» (которое использовано для названия сборника прозаических произведений [16]), ничего, кроме лексического декора, уже не просматривается. «Рекордсменом» подобных декоративных «интерпретаций» ландшафта на сегодняшний день, по-видимому, выступает украинский литературовед Я. Полищук. Назвав сборник своих эссе «Пейзажі людини» (укр.), он снабдил ландшафтными наименованиями еще и главы книги: «Красивді¹ пам’яті» (укр.), «Пейзаж людини» (укр.) и «Ландшафти культури» (укр.) [23].

Итак, ландшафт — метафора. Хорошо это или плохо? По-видимому, на данный вопрос нельзя ответить однозначно. В использовании понятия «ландшафт» как метафоры присутствуют три разных момента, которые, в зависимости от контекста и намерений «пользователя» могут помогать ему передавать и более ярко выражать (изображать) свою мысль; могут мешать этому, а могут быть просто сленгом, словом-паразитом, вычурной словесной декорацией, ничего не добавляя к высказыванию и ничего в нем не изменяя по существу. Очевидно, польза от метафорического использования понятия ландшафта может быть только в первом случае. Следовательно, только тогда использование слова «ландшафт» как метафоры может представляться оправданным и логичным.

Этот случай достаточно распространенный и встречается он обычно в среде специалистов, более или менее понимающих, что такое ландшафт, и имеющих какое-то, пусть и отдаленное, отношение к географии. При «квази-географическом» подходе к использованию слова и понятия «ландшафт» как метафоры осознано или неосознанно реализуется целый ряд когнитивных и эвристических функций (не только «изобразительная»). О. А. Лавренова, ис-

¹ Укр. «красивид» переводится как «ландшафт» и «пейзаж».

следовавшая ландшафт-метафору [15], выделяет в ней кроме визуализирующей, еще и такие функции: 1) создавать новые смыслы, разворачивать привычные и конструировать новые значения; 2) структурировать цель когнитивного, в частности исследовательского, акта; 3) конституировать или облегчать способы познания бытия находящиеся на переднем крае «когнитивных процессов культуры» [15, с. 125]; 4) обобщать опыт практической жизни человека в окружающем мире; 5) упорядочивать структуры одних понятий в терминах других. Последнее качество ландшафта-метафоры имеет особое значение: ведь понятие ландшафта является одним из немногих понятий культуры, способным быстро, емко и эффективно (а также эффектно) трансформировать разного рода «рассуждения» и «умозаключения» в яркие и запоминающиеся образы.

Следует подчеркнуть, что способность и «стремление» ландшафта-метафоры к визуализации возникают не просто так. Во-первых, начиная с 1521 г., когда «с подачи» Альбрехта Дюрера ландшафт начал фигурировать в культуре как пейзаж, его изобразительные «способности» обуславливались традицией, длительным периодом визуально-изобразительных трактовок. Во-вторых, что, по нашему мнению, еще более существенно, способность ландшафта к визуализации обуславливается свойствами самого языка. Он по своей природе *иконичен* [26], т. е. имплицитно «требуется» визуализации, «стремится» к ней. И вот здесь-то понятие ландшафта со всеми его конкретно-предметными территориальными дериватами приходится как нельзя более кстати, служит одним из самых удобных и доступных инструментов для раскрытия иконических потенций человеческой речи.

Вообще, когда мы рассуждаем о слове «ландшафт», следует иметь в виду, что оно обладает выдающимися способностями к внутреннему смысловому «саморазворачиванию». Сами ландшафтоведы сегодня подчеркивают, что ландшафт уже пережил свои узконаучные трактовки и становится общекультурным понятием, в том числе и в контексте ландшафтоведческой науки [7]. Но здесь, по нашему мнению, следует поменять ударение: не становится, а был от рождения. Те смыслы, которые в 830 г. в слово *lantscaf* вложили монахи из Фульдского монастыря, переводя латинский текст «Евангелическая гармония», словно пружина, явно или невидимо в нем присутствуют и при каждом «удобном» историческом случае подталкивают *lantscaf/landschaft* к самопроизвольному смыслоразворачиванию [28]. Так было в истории не раз, так происходит и сегодня, в условиях «эпохи постмодерна».

Одним из самых простых и бросающихся в глаза смысловых значений только что рожденного понятия культуры «*lantscaf*» был политико-административный. Слово-конструкт «ландшафт» возникло при переводе лат. *regio* и его дериватов [28]. И хотя смысл этого слова с самого начала отнюдь не исчерпывался политико-административными трактовками, последние были наиболее очевидными и понятными. Территориально-политический характер этого слова нетрудно заметить и сегодня. Большой двухтомный немецко-русский словарь дает такие его трактовки, как «страна», «область», «округ», «провинция», «кантон», а в архаическом значении еще и «феодалное сословное представительство», «государственные чины», «земские чины», «земство» [3, с. 12]. Отсюда следует простой вывод: разного рода ландшафтно-политические метафорические и полуметафорические значения, которые вкладываются сегодня в слово «ландшафт» (типа «политического» или «электорального ландшафта»), вовсе не являются привнесенными извне, они вполне логично

«всплывают» из древнейших смысловых «пластов» слова, содержат прочную историческую основу. Это, кстати сказать, хорошо понимал уже А. Лёш. В своем комментарии к введению понятия экономического ландшафта он, стремясь упредить упреки в свой адрес представителей естественных ветвей немецкой географии, писал: «Географы могут возразить против значения, которое я придаю слову „ландшафт“. Я хотел бы, чтобы они приняли во внимание, что оно не только соответствует обычному применению этого слова, но очень сильно приближается к истинному значению. В обоих случаях окрестности тяготеют к какому-то центру: наблюдателю и к главному городу (разрядка моя. — Т. Ю.)» [17, с. 137]. Под «обычным» значением, очевидно, следует понимать те смыслы, которые вкладываются в «ландшафт» разговорной немецкой речью, а близкие к экономике политические смыслы, как мы видели, в ней исстари присутствуют. А вот что касается «истинного» значения, которое Лёшем связывается с диспозицией «центр—периферия», то здесь при внимательном вслушивании несложно уловить тот научно-архаический смысл, который в понятие ландшафта в начале XIX в. вложил Г. Гомейер, определявший ландшафт как «окружающую территорию или совокупность местностей, просматриваемую с ближайших командных высот» (цит. по [2, с. 10]). С именем Гомейера связывают первое научное определение ландшафта. И хотя с позиций современного ландшафтоведения оно, конечно же, крайне примитивно, следует помнить, что проявившие себя в истории хотя бы единожды смыслы и трактовки любого понятия, в дальнейшем из этого понятия никуда не исчезают. Они могут веками «спать» в семантических глубинах речи, но при смене исторической обстановки и условий, способны «просыпаться» и актуализироваться. По-видимому, сегодня с «ландшафтом» это и происходит. Мы живем в эпоху постмодерна. Плохо это или хорошо, но ее главной эпистемологической чертой считается то, что в философии и мировоззрении постмодернизма элиминируются так называемые гранднарративы. Эпистемология постмодерна «разрешает» самые разные смыслы, отказывает любому из них в статусе «единственно верного» и «определяющего». Очевидно, если на актуализацию архаических смыслов *landscaf* / *landschaft* снимается исторический, лингвистический и гносеологический запрет, то их самопроизвольное возрождение будет выглядеть вполне закономерным.

Ландшафт как философская категория. Использованию понятия ландшафта в качестве философской категории также дает начало метафора. Но по мере вовлечения ландшафта в философский дискурс феномен ландшафта-метафоры отодвигается на задний план, уступая место ландшафту как способу философской концептуализации и методическому оператору философского мышления.

Примеров обращения философов к категории ландшафта как к философской категории немного. Рассмотрим два из них: работы известных современных философов — российского В. А. Подороги и украинского В. В. Кизимы.

На примере трактата В. А. Подороги «Метафизика ландшафта» (первое издание в 1993 г., второе — в 2013 г.) хорошо видно, как понятие ландшафта проделывает путь от метафоры до оператора философского мышления, а В. В. Кизима, доводя работу Подороги до логического завершения, наделяет его свойствами философской категории.

Прежде чем говорить о ландшафте в философском контексте, заметим, что практически одновременно с работами В. А. Подороги и В. В. Кизимы

известный французский философ Ж. Делёз и его соавтор Ф. Гваттари в трактате «Что такое философия?» (французское издание — 1991 г., русское — 1998 г.) предложили весьма оригинальную концепцию философии, основывающуюся на пространственных категориях территории и плана. Дело философии — создавать концепты, а концепт — это своеобразная территория, на которой имеют место те или иные предпосылки (концепции) и способы (методы) философского мышления, связанные в консистенцию. Территории-концепты размещаются в некоем плане имманенции, подобно архипелагу островов [8, с. 49]. Делёз и Гваттари называют свою модель философствования *геофилософией* и подчеркивают ее имманентную связь с «землей» и «территорией» [8, с. 110]. Неудивительно, что на подобную трактовку философии сразу же отреагировали географы (Н. В. Замятина), увидев в ней своеобразную «географию мысли» [10].

В этой связи можно утверждать, что обращение В. А. Подороги к категории ландшафта как методическому оператору философствования и выражения философских мыслей родилось не на пустом месте, а находится в ключе тех пространственных (спациальных) тенденций, которые после работ М. Хайдеггера прочно утвердились в европейской философии. Оно не было ни случайным, ни обусловленным «ландшафтной модой» конца XX—начала XXI в.: оно было закономерным.

Разъясняя, что такое «метафизика ландшафта», В. А. Подорога пишет: «Речь идет о своеобразной топологии философского мышления, которое пытается передать основное содержание мыслимого, инсценировав его в образах-понятиях» [21, с. 6]. И далее: «Настаивая на термине „ландшафт“, я лишь усиливаю акцент на экзистенциальной пространственности мысли. <...> Западный философский опыт <...> всегда оставался пространственным переживанием; темпоральные характеристики бытия — лишь следствия переработки ландшафтного (пространственного) чувства» [21, с. 6]. Конечно, Подороге не удастся полностью избавиться от метафоризации понятия ландшафта, да он и не ставит перед собой такой цели. Употребляется целый ряд квазиландшафтных и геологических словосочетаний: «ландшафтное Я», «ландшафт — чистая эмоция», «ландшафтные практики мысли», «ландшафтная география пути», «философские миры-ландшафты» и «тектонический идеал», «тектоническое существо», «геология языка» и т. д. Но — и в этом отличие ландшафта-метафоры в лоне философии от его банальных метафорических метаморфоз — за метафорой скрываются весьма глубокие структурные закономерности и способы философской мыследеятельности, выходящие далеко за пределы метафоризации, как таковой. Так, например, «ландшафтное Я» — это не только красивый образ, это также и результат сложных онтологических процедур, конституирующих *Я*, как таковое, «на основе» ландшафта, или, если можно так выразиться, выводящих факт самого *Я* из ландшафта (как это происходит, нами подробно описано в [30]).

С особой силой выгода и эффективность использования «ландшафтного подхода» в философии проявляются тогда, когда В. А. Подорога начинает анализировать своеобразие и специфику мыследеятельности таких философов, как С. Кьеркегор, Ф. Ницше и М. Хайдеггер, «на ландшафтной основе». Он поступает очень просто: он связывает *ход мысли* мыслителя с линиями и направлениями, которые задаются ландшафтом, с силами и потенциями, зримо или незримо присутствующими в ландшафте. Ход и строй мысли каждого из этих философов взаимодействуют с ландшафтными силами и потенциями,

направляются и чертятся ими и в конечном счете «ландшафтизируются» настолько, что становятся зримыми, осязаемыми, картинными. Это уже не образ-понятие, от которого «стартовала» метафизика ландшафта, это уже нечто большее. Это — *ландшафтный способ философствования*. У Кьеркегора он центрируется вокруг «места Бога» [21, с. 66, 71], представленного библейским ландшафтом и, в частности, горой Мориа и ее окрестностями. У Ницше ход мысли генерируется ландшафтом долины Верхнего Энгадина (Швейцарские Альпы) — местом, в котором мозг мыслителя является «климатизированным ... поскольку умиротворяющие ландшафтные силы выносят его свету и охлаждают» [21, с. 30]. У Хайдеггера ландшафт мыследеятельности — горы Шварцвальда, освоенные трудом немецких селян, где «благу весть приносит молчание пожилого крестьянина, отдыхающего после дневных трудов на пороге собственного дома», где «каждая вещь соразмерна своему назначению и месту, труду, затраченному на ее создание, где ритм смерти и рождения, встречи с Богом и судьбой могут быть узнаны в любом, даже, казалось, не-приметном событии» [22, с. 118]. При этом совершенно неважно, реальные это ландшафты, как у Ницше и Хайдеггера, или виртуальные (воображаемые), как у Кьеркегора (который никогда не был на Ближнем Востоке). Важно то, что каждое место, каждый ландшафт мыследеятельности философа сообщает ей особый, *онтологический режим*, который может быть визуализирован как в смутном образе-понятии, так и в его четком корреляте — пейзаже. Конечным пунктом философского использования понятия ландшафта Подорогой является косвенная и прямая (сверхзадача!¹) визуализация философской мысли. Очевидно, категория ландшафта, имеющая свойства пейзажа как одного из своих значений, вполне подходит для такой гносеологической операции.

Путь, которым к использованию в философии слова и понятия «ландшафт» идет В. В. Кизима, иной. Он отталкивается не от метафоры ландшафта, а от тех исторических пластов смысла, которые заложены в самом слове, но актуально не проявлены или проявлены очень слабо. Как подчеркивалось выше, *lantscaf/landschaft* исключительно богат внутренними смыслами, вложенными в него творцами слова. Два смысловых пласта *landschaft*'а — эстетический и научный — сегодня хорошо известны. Один — политико-административный — присутствует в немецком языке как архаизм, но становится все более и более востребованным. Однако исчерпываются ли этим все возможные смыслы *landschaft*'а? Нет, не исчерпываются. И В. В. Кизима выявляет, вскрывает, проявляет неочевидные смыслы этого слова и понятия, целенаправленно трансформируя его в философскую категорию, а порою и «додумывая» ландшафтные смыслы, данные в слове только намеком, косвенно, в очень узком контексте.

Кизима подчеркивает, что, философствуя с помощью понятия «ландшафт», можно обозначать: а) порядок и упорядочивание бытия (как таковые); б) способ существования (вообще); в) наличие некоего плана («божественного»); г) разнообразие и разнокачественность; д) сизигию (усоответствлива-

¹ Для облегчения ее решения В. А. Подорога вслед за Ж. Делёзом («Лейбниц. Складка и барокко», «Тысяча плато») использует в том числе и прием иллюстрации философского текста картиной или рисунком, которые должны, с точки зрения автора, символически отражать главные идеи его повествования. Особо это заметно во втором издании «Метафизики ландшафта».

ние) разнообразия и разнокачественности (привычная для ландшафтоведа «эмерджентность»), а также любых процессов трансформации и метаморфоз («ландшафт метаморфозов»); и наконец, е) метапричинность («причинно-кондициональная самодетерминация»). На визуализирующей функции ландшафта, столь важной для В. А. Подороги, В. В. Кизима акцента не делает, хотя имплицитно («на уровне чертежа») она и присутствует в его понимании ландшафта как плана [12]. Столь претенциозная смысловая загрузка на *landscape* находится уже на грани фола («ландшафтная сущность Бога»), но, как это неудивительно, слово ее выдерживает! И все же, чувствуя, по-видимому, интуитивно, что «перестарался», философ ее — смысловую нагрузку — снижает тем, что создает на основе философской категории ландшафта философскую же категорию *ландшафтности*. Это дает ему больше свободы для интеллектуального маневра и позволяет увеличить смысловую емкость понятия вплоть до того, что ландшафтность объявляется философской категорией, «сопоставимой по своему значению с ролью традиционных категорий пространства и времени» [13, с. 46]. Нам, ландшафтоведам, подобное отношение философа к ландшафту и его смысловым дериватам, конечно же, льстит. Но все-таки приземленный географ должен был бы расценивать такой уровень пролиферации понятия ландшафта как уже более или менее явное «философское зашкаливание». Если бы не одно *но*: совершенно неожиданно и своими собственными путями к пониманию ландшафта как категории, сопоставимой по своему значению с категориями пространства и времени, пришли современные физики.

Использование понятия ландшафта в теоретической физике. С тем, как употребляется понятие «ландшафт» в современной теоретической физике, неспециалисту в этой области можно ознакомиться по научно-популярным книгам известных американских ученых Б. Грина [6] и А. Виленкина [4]. Специальные астрофизические и космологические работы, в которых говорится о ландшафте, человеку, не имеющему профессиональных знаний в области теоретической физики, понять сложно. Околофизическую литературу на эту тему, составленную разного рода «комментаторами», оставим в стороне.

Считается, что понятие ландшафта в космологическую теорию ввел в 2003 г. американский физик-теоретик Л. Сасскинд. Он, однако, говорил об «антропном ландшафте теории струн», в физике же существуют и иные трактовки слова «ландшафт». Поэтому трудно точно сказать, когда именно оно начало употребляться на переднем крае физической науки (для этого необходимо знание специальной литературы). Но не будет большой ошибкой датировать это событие в целом началом XXI в.

В работе А. Виленкина понятие ландшафта употребляется в трех смыслах. Сначала — как чисто декоративный слоган («энергетический ландшафт»), которым обозначаются трехмерные графические изображения неких физических полей и параметров, спроецированные на двухмерную плоскость в координатах $x - y^1$ [4, с. 81—84, 181, 198]. Казалось бы, на такую банальность можно и не обращать внимания. Но, во-первых, употреблением слова «ландшафт» в декоративном смысле, Виленкин приучает слух читателя к звучанию в физической теории этого понятия; во-вторых, устанавливает прямую связь между дискурсом и визуализацией: «ландшафт» неизменно привязыва-

¹ Похожие вербально-графические декорации, именуемые «когнитивным ландшафтом», можно встретить и в некоторых работах психологов [27].

ется к графическим образам и требует напряжения художественной фантазии читателя; в-третьих, что самое важное, наступает момент, когда то, о чем говорит автор, невозможно вообще изобразить в силу своеобразия геометрии, и тогда понятие ландшафта превращается в тонкий и эффективный дидактический, пропедевтический инструмент, работающий «по схеме» улыбки Чеширского кота: кот исчезает, а улыбка остается. «Действительно, энергетический ландшафт теории струн гораздо сложнее, поскольку он включает куда больше параметров, — пишет Виленкин, — этот ландшафт нельзя изобразить на листе бумаги, чтобы учесть все параметры, нужно пространство с несколькими сотнями измерений. Но ландшафт можно анализировать математическими методами» [4, с. 213—214]. И вот этот анализ показывает, что в «струнном ландшафте» имеется около 10^{500} возможностей «построения» вселенных. Одни возможности больше подходят для возникновения вселенных, другие меньше; одни рождают вселенные, пригодные для жизни, другие — нет. Но их число ограничено, хотя и очень велико. Поскольку понятием струнного ландшафта обозначается многомерное пространство этих ограниченных возможностей, то можно сказать, что ландшафт как космологическая категория фундаментальным образом «изгоняет» из физической теории понятие *бесконечности*. Это очень важное гносеологическое свойство ландшафтной концепции, в частности, и географического способа миропонимания вообще; оно заслуживает отдельного серьезного разговора, но осуществить его в рамках данной статьи не представляется возможным.

Физики-теоретики, сами того, может быть, до конца не осознавая, вводя в свои рассуждения понятие ландшафта, воздвигают фундаментальное теоретическое препятствие перед понятием бесконечности, выводя ее за пределы гносеологии вообще. И в этой связи становится понятной философская догадка Кизимы о том, что категория ландшафта («ландшафтности») сравнима по своему эпистемологическому значению с категориями пространства и времени. Пространство и время имманентны бесконечности, ландшафт эту имманентность снимает. Это, повторим, важное гносеологическое свойство географического способа мышления, которое географами еще предстоит осмыслить.

Ландшафт как многомерное пространство возможностей существования вселенных можно представить в более привычной для географа форме — как ансамбль. Вспомним: «Климат — ансамбль погод». В геофизике ландшафта последний представляется как ансамбль стексов. Правда, в физической географии ансамбли темпоральны, а в теории струн вероятностны, но это сути дела не меняет: ведь в каждой возможной Вселенной время течет по-своему, а, стало быть, в ансамбле возможностей вселенных оно попросту сворачивается, превращаясь в вечность. Вечность же, по нашему мнению, будучи *имманентной стратиграфией* может трактоваться как специфически-географическое понимание времени [29]. В древней мифологии текущему времени соответствовал бог Хронос, а стратиграфическому — бог Эон. В геологии словом «эон» обозначают самые крупные временные промежутки — страты — в истории Земли.

Еще лучше трактовка ландшафта астрофизиками и космологами как ансамбля возможных вселенных представлена в работе Б. Грина [6]. В ней уточняется и визуализируется «структура» струнного ландшафта-ансамбля. Каждая из возможных струнных вселенных характеризуется параметрами так называемых дополнительных измерений (координаты плоскости $x - z$, если их

изображать в трехмерном пространстве) и своей собственной космологической постоянной (ось y). В результате струнный ландшафт-ансамбль легко представляется изображением этакой «горной страны» [6, с. 169]. Страна эта пока представлена только рельефом, в ней нет ни растительности, ни вод. Но фантазии современных физиков-теоретиков неисчерпаемы, пройдет время, и они населят этот ландшафт даже животными, состоящими из математических формул и констант...

Важным свойством струнного ландшафта вселенных, как его показывает Б. Грин, является то, что между возможными вселенными нет непреодолимых препятствий, они связаны друг с другом так называемым квантовым тунелированием. Это делает все возможные вселенные связанными друг с другом. Связность элементов ансамбля — это необходимое условие «быть ландшафтом», как понимаем его мы, географы. И у астрофизиков она возникает. Такой связный мегаверсум Грин называет *ландшафтной мультивселенной* [6, с. 169].

Но на этом воображение физиков не останавливается. Б. Грин пишет — ни много ни мало! — о *ландшафтном разнообразии* вселенных [6, с. 329]. К сожалению, на страницах обсуждаемой книги, он не развивает эту мысль, но из ее контекста нетрудно понять, о чем идет речь. Грин в своей работе рассматривает разные теоретические варианты «получения» вселенных (или — на языке философии — множественности миров). Вариант теории струн с ее «струнным ландшафтом» и «ландшафтной мультивселенной» — только один из нескольких. Всего же таких теоретических вариантов, по его подсчетам, восемь! Среди них и такие, что, как и концепции философов («ландшафтная сущность Бога»), находятся на грани фола: например, считать материальные миры компьютерными симуляциями, а математические символы — единственной реальностью (поэтому тремя абзацами выше мы и не взяли в кавычки выражение «животные из математических формул и констант»).

Если в рамках каждой теории множественности миров возможен свой ансамбль возможностей вселенных, то сумма этих ансамблей («ансамбль ансамблей», «возможность возможностей») и будет тем, что Грин называет ландшафтным разнообразием.

Для полноты картины использования географических понятий физиками-теоретиками в современной космологии укажем на уже, можно сказать, традиционную функцию понятия ландшафта в акте его пролиферации: на функцию визуализации. Физикам оказалось мало его декоративного смысла, «пристегнутого» к графикам; они уже не обходятся рисунками, изображающими «рельеф» дополнительных измерений и космологических постоянных; им подавай — карту! «Нам нужна карта ландшафта», — требует А. Виленкин [4, с. 218], понимая под картой воображаемую (по-видимому, картинно) репрезентацию распределения 10^{500} вакуумов, каждому из которых соответствует своя возможность Вселенной. «Наши исследования по ландшафтной мультивселенной находятся на начальном этапе. Набор возможных вселенных в теории струн — струнный ландшафт — схематически представлен на рис. 6.4, но подробные карты этого горного рельефа все еще предстоит нарисовать. Подобно древним мореплавателям, мы имеем слабое представление, что там за горизонтом, и для создания карт этих земель потребуется еще много математических исследований (выделено мной. — Ю. Т.)» — развивает картографические интенции Виленкина Грин, неявно дополняя их апелляцией к совсем уж нефизическому методу исследования — путешествию [6, с. 328].

Конечно, нужно учесть, что перед нами работы научно-популярные, а апелляция к образному мышлению неподготовленного читателя для разъяснения нетривиальных положений излагаемого предмета в научно-популярном жанре — дело обычное, в какой-то мере даже закон жанра. Но и ландшафтные, и картографические интенции, как говорят об этом сами физики, присутствуют и в многочисленных специальных работах по этой теме. Стремлением к образному изложению, чтобы сделать его доступным для «непосвященных», дело, по-видимому, не ограничивается. Причины «эпистемологической любви» современной теоретической физики к географическому способу мирообъяснения, как нам кажется, намного глубже и серьезнее и, может быть, еще не до конца понятны и самим физикам.

Б. Грин в своей работе для массового читателя приоткрывает одну «страшную» тайну, дотоле известную разве что ограниченному кругу специалистов с переднего края математической физики: в некоторых моделях Вселенной математика отказывается работать, физику в своих изысканиях просто не на что больше опираться. Математика отказывается работать не потому, что теоретики, открывающие сегодня на кончике пера новые миры и мироздания, сталкиваются с методическими или вычислительными трудностями. Со временем такие трудности, как показывает история науки, преодолеваются. Причины пробуксовывания физико-математического дискурса иные и эпистемологически куда более опасные для современного физического мирообъяснения. Грин об этих причинах пишет так: «Математические законы, управляющие отдельными вселенными, в ... мультивселенных варьируются ... Варьирование законов лишает смысла вопрос о том, почему здесь действует тот или иной закон» [6, с. 333]. Огрубляя, это утверждение можно проиллюстрировать так. Мы знаем, что $\pi = 3.14 \dots$, $e = 2.71 \dots$, а $a + b = a + b$. Но что произойдет с нашим математическим знанием, когда окажется, что $e = 3.14 \dots$, $\pi = 2.71 \dots$, а $a + b \neq a + b$. А ведь это и есть именно то «варьирование математических законов», о котором пишет Грин... Пока от подобных неприятностей эпистемологию спасает *принцип антропности*. Но в теории мультивселенных под этот принцип уже сделан глубочайший подкоп. Математике это грозит постепенным превращением в некое подобие сказки. Некоторые географы (И. М. Забелин) это, кстати сказать, уже подметили [9, с. 301].

Таким образом, разрушение привычных для физика и математика эпистемологических условий *своего* научного мышления просто вынуждает их искать иные эпистемологические условия — *других* способов научного мышления. И они находят их в ландшафтоведческой науке и географическом способе миропонимания. Сами того не ведая и без ссылки на первоисточник.

Не так давно (1989 г.) Б. Б. Родоман, подчеркивая важность использования физических категорий в географии, писал: «Такие понятия, как тяготение, волны, диффузия, деформация, излучение, разность потенциалов, ... хорошо работают в моделях территориальной дифференциации человеческого общества» [19, с. 51]. Прошло менее четверти века, и уже физики начали заимствовать географические категории. С ними в эпистемологию физической науки начали проникать совершенно незнакомый, даже чуждый ей метод исследования, образ мышления и способ миропонимания. При этом инициатива исходит не от географов, привыкших смотреть на физику с пиететом снизу вверх. Может ли географ, географ-ландшафтовед прежде всего, извлечь из такой необычной и новой для него эпистемологической ситуации пользу для своей науки? Будущее покажет...

Список литературы

- [1] Ачкасова В. А. Региональный политический ландшафт России. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. 206 с.
- [2] Бауэр Л., Вайничке Х. Забота о ландшафте и охрана природы / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1971. 264 с.
- [3] Большой немецко-русский словарь: В 2 т. Сост. Е. И. Лепинг, Н. П. Страхов, Н. И. Филичева и др. / Под ред. О. И. Москальской. 2-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1980. Т. 2. L-Z. 656 с.
- [4] Виленкин А. Мир многих миров: Физика в поисках параллельных вселенных / Пер. с англ. М.: АСТ, Астрель, Corpus, 2010. 303 с.
- [5] Грачев М. А., Романова Т. В. Культура речи современного города. Лингвистический ландшафт Нижнего Новгорода. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского государственного лингв. ун-та, 2006. 261 с.
- [6] Грин Б. Скрытая реальность. Параллельные миры и глубинные законы космоса / Пер. с англ. М.: Либроком, 2012. 400 с.
- [7] Гродзинський М. Д. Пізнання ландшафту: місце і простір. Київ: Видав.-поліграф. центр «Київський ун-т», 2005. Т. 1. 431 с.
- [8] Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Пер. с франц. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 287 с.
- [9] Забелин И. М. Возвращение к потомкам: Роман-исследование жизни и творчества Александра Гумбольдта. М.: Мысль, 1988. 331 с.
- [10] Замятина Н. В. География мысли // Изв. РАН. Сер. геогр. 1999. № 4. С. 124—126.
- [11] Исаченко А. Г. Ландшафтоведение на переходе ко второму столетию своей истории // Ландшафтоведение: теория, методы, региональные исследования: Матер. XI Международ. ландшафтной конф. М.: Изд-во МГУ, 2006. С. 3—8.
- [12] Кизима В. В. Ландшафтная сущность Бога или «Божественная» природа ландшафта? // Totallogy-XXI: Постнекласичні дослідження. Київ: ЦГО НАНУ, 2003. Вип. 10. С. 8—53.
- [13] Кизима В. В. Постнекласические практики: дивергенция и исток // Постнекласические практики: определение предметных областей. М.: МАКС Пресс, 2008. С. 42—52.
- [14] Климчук А. В. Финансовый ландшафт с позиций пространственного мышления // Интеграция института финансово-кредитных отношений в мировое сообщество: Матер. науч.-практ. конф. Симферополь, 2011. С. 96—99.
- [15] Лавренова О. А. Пространства и смыслы: семантика культурного ландшафта. М.: Институт Наследия, 2010. 330 с.
- [16] Ландшафт моих воображений. Страницы прозы русского сентиментализма. М.: Современник, 1990. 623 с.
- [17] Лёш А. Географическое размещение хозяйства / Пер. с англ. М.: Изд-во иностранной лит., 1959. 456 с.
- [18] Межевич Н. М. Экономические ландшафты и региональная идентичность в России: опыт комплексного анализа. http://www.dartmouth.edu/~crn/groups/geographies_group_papers/Mezhevich02.pdf
- [19] Наука и искусство географии: Спектр взглядов ученых СССР и США. М.: Прогресс, 1989. 200 с.
- [20] Петров Н., Титков А. Электоральный ландшафт // Россия в избирательном цикле 1999—2000 годов. М.: Гендальф, 2000. С. 49—96.
- [21] Подорога В. А. Метафизика ландшафта. Коммуникативные стратегии в философской культуре XIX—XX веков: 2-е изд., перераб. и доп. М.: Канон⁺, РООИ «Реабилитация», 2013. 552 с.

- [22] Подорога В. А. Erectio. Геология языка и философствование М. Хайдеггера // Философия Мартина Хайдеггера и современность. М.: Наука, 1991. С. 102—120.
- [23] Поліщук Я. Пейзажі людини. Б/м. Акта, 2008. 346 с.
- [24] Проекты и мероприятия в области патентов и здравоохранения в ВОИС, ВОЗ и ВТО. Перечень документов. http://www.wipo.int/edocs/mdocs/scp/ru/scp_19/scp_19_ref_scp_18_5-annex2.pdf
- [25] Сиволан Л. А. Анализ инвестиционного ландшафта Украины в посткризисный период. http://www.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/pips/2012/296.pdf
- [26] Сигал К. Я. Проблема иконичности в языке // Вопр. языкознания. 1997. № 6. С. 100—119.
- [27] Терехин А. Т., Будилова Е. В., Качалова Л. М., Чмыхова Е. В. Локальность, интегральность и варифокальность мышления // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2011. № 4(18). <http://psystudy.ru>
- [28] Тютюнник Ю. Г. Ландшафт: этимология, герменевтика, экзегетика // Totallogy-XXI. Постнекласичні дослідження. Київ: ЦГО НАНУ, 2003. Вип. 10. С. 54—71.
- [29] Тютюнник Ю. Г. О феномене географии // Изв. РАН. Сер. геогр. 2010. № 6. С. 5—14.
- [30] Тютюнник Ю. Г. Тоталлогия ландшафта. Київ: ЦГО НАНУ, 2002. 122 с.
- [31] Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки / Пер. с англ. и нем. М.: Прогресс, 1986. 542 с.
- [32] Что такое «патентный ландшафт»? http://community.sk.ru/foundation/ipcenterskol-kovo/b/faq/archive/2012/11/12/3-hto-takoe-patentnyy-landshaft_3f00_.aspx

Київ
carmel@mail.ru
carme@univ.kiev.ua
Научный центр экомониторинга
и биоразнообразия мегаполиса НАНУ

Поступило в редакцию
13 мая 2013 г.

Изв. РГО. 2013. Т. 145. Вып. 5

© А. Г. ДРУЖИНИН,* АЙДЫН ИБРАГИМОВ,** АРГУН БАСКАН***

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИИ И ТУРЦИИ В ПОСТСОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ: ФАКТОРЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Приоритетное место как в научном дискурсе, так и в сфере реальной международной политики в последние годы обретает концепт «Евразии» [6, 10, 14, 16, 19], проецируясь в том числе и на такую сложную, динамично развивающуюся, притягивающую всевозрастающее внимание исследователей [1—3, 12, 15, 26, 27] сферу, как российско-турецкие взаимоотношения.

В современной евразийской геоэкономической и геополитической архитектонике Россия и Турция безусловно одни из ключевых акторов; обретшее характер устойчивого тренда сближение наших стран, их все более выраженная прагматичная комплиментарность предопределяются не только актуаль-

© **Ю. Г. Тютюнник.** Пролиферация понятие «ландшафт»: почему она происходит и как относиться к ней географам?

Рассмотрены процесс смыслового расширения (пролиферации) и заимствования понятия «ландшафт» областями науки и философии, далекими от традиционных сфер его использования — географии и искусства. Показано, что в отдельных случаях такое заимствование может быть продуктивным. Отвергая нарочитые и надуманные «интерпретации» понятия ландшафта, географам следует, в то же время, объективно и без предубеждений отнестись к факту его пролиферации и извлечь пользу из новой и необычной для них эпистемологической ситуации.

© **Yu. G. Tyutyunnik.** The proliferation of the concept of «landscape»: why it happens and how should geographers regard it?

We consider the process of semantic extension (proliferation) and borrowing the concept of «landscape» areas of science and philosophy, to be far from the traditional areas of use, geography and art. It is shown that in certain cases such borrowing may be productive. Rejecting the deliberate and contrived «interpretation» of the concept of landscape, geography should at the same time objectively and without prejudice regard the fact of its proliferation and take benefit from the new and unusual for them epistemological situation.